

A romantic scene between a man and a woman in a fantasy setting. The woman, Lolita Lanskaya, has long dark hair and is wearing a teal, off-the-shoulder gown with gold embroidery. She holds a small, ornate envelope. The man has blonde hair and is wearing a dark blue, ornate jacket with gold embroidery and a white cravat. They are standing in front of a stone building with columns. In the background, there is a large, ornate castle on a cliff overlooking the sea, and a golden dragon is flying in the sky.

ДРАКОН

по брачному
договору

ЛОЛИТА ЛАНСКАЯ

Лолита Ланская

Дракон по брачному договору

«Автор»

2026

Ланская Л.

Дракон по брачному договору / Л. Ланская — «Автор», 2026

В тридцать пять я не собиралась снова выходить замуж. Тем более за дракона, которому нужна не любимая женщина, а второй голос на островном Собрании. Но военная гавань отрежет Эйру от собственного берега, и у нас остаётся месяц, чтобы предложить другой путь. Я согласилась на год. Отдельные комнаты, свои деньги, право уйти. Красивый светловолосый супруг принял все условия — и даже не попытался спорить с пунктом о свободе. Зато теперь он слушает меня так внимательно, что я забываю заготовленные речи, и касается моей руки только тогда, когда я сама тянусь к нему. Наш брак должен был спасти остров. Кто же знал, что самым трудным окажется не переиграть канцлера, а признаться: я хочу остаться не из-за договора.

© Ланская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена прилива	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Лолита Ланская

Дракон по брачному договору

Глава 1. Цена прилива

Предложение выйти замуж я получила между обсуждением рыбного сбора и жалобой на козу, съевшую муниципальную верёвку. До козы дело так и не дошло. Позже её хозяйка сказала, что дракон мог бы подождать четверть часа: ущерб составлял две кроны и был, в отличие от прочих бед острова, совершенно бесспорным.

Я пришла в зал совета с папкой торговых соглашений. Томир просил проверить, не перекладывает ли новый поставщик бочек стоимость испорченной тары на рыбаков. Поставщик перекладывал. Я обвела соответствующий пункт, приписала внизу, как его исправить, и рассчитывала успеть домой до дождя. Над Эйрой уже третье утро висели тёплые серые облака; море под ними казалось светлее неба.

Арден Соль стоял у открытого окна. Я узнала его сразу, хотя за полгода, прошедшие с моего возвращения, видела только дважды: на похоронах его матери и у внешнего причала. Тогда он был в дорожном плаще, теперь – в тёмно-синем сюртуке, с серебряной застёжкой у горла. Светлые волосы, безупречно прямая спина, большие руки, неподвижно лежавшие на подоконнике. На левой щеке тонкая белая черта выделялась ровно настолько, чтобы захотелось посмотреть ещё раз.

Я посмотрела и сердито напомнила себе про бочки.

– Мира, садись впереди, – попросил Томир. – Сегодня понадобится не только красный карандаш.

Шесть остальных членов совета уже заняли места. За их столом обычно сидели люди, которые знали друг друга с детства и потому могли начинать спор без приветствий. Сегодня все приветствовали всех слишком вежливо. На скамьях собралось человек двадцать: пекари, рыбаки, хозяйка прачечной, двое молодых грузчиков. Вера придержала мне место локтем и шепнула, что козу надо было привести лично, для убедительности.

Томир раскрыл пакет с зелёной печатью Союза. Бумага зашуршала так громко, что женщина у двери перестала качать ногой корзину с уснувшим младенцем.

– Представлена концессия южной гавани сроком на двадцать пять лет. Под военный причал, казармы и ремонтные мастерские. Рассмотрение на осеннем Собрании, через четыре недели с небольшим.

Он прочёл названия бухт. После второго я подняла голову. После четвёртого Вера сняла с коленей фартук, который до этого незаметно штопала.

– А лодки куда? – спросил старый Рен из первого ряда.

– Будет отведён участок у северного спуска. – Рен тихо хмыкнул. Северный спуск был прекрасен для художника: отвесная скала, тёмная вода, пенная полоса на камнях. Для рыбацкой лодки, особенно зимой, он годился примерно так же, как крыша ратуши.

– В проекте предусмотрено оборудование, – продолжил Томир, не делая вид, будто не слышит. – Рабочие места. Поставки. Жалованье гарнизона будет тратиться в наших лавках. Желающие выступить получают слово. Сначала дочитаем.

Я слушала и отмечала на обороте своего соглашения вопросы. Никакой тайной передачи острова здесь не было. Союз намеревался платить аренду, построить дорогу, нанять людей. Даже переселение двух складов прописали с возмещением. Однако черта, которой на приложенной карте отделили военный берег от остального, проходила через нашу обычную жизнь:

по месту, где Верин отец вытаскивал лодку, мимо лестницы к пляжу, вокруг двора, в котором летом сушили сети. Всё это превращалось в территорию с пропусками.

– Можно увидеть карту? – спросила я. Томир передал лист. Арден отошёл от окна и встал так, чтобы смотреть через край стола, не нависая надо мной. От его одежды пахло чистой шерстью и морским воздухом. Я отметила это совершенно не вовремя.

– Волнолом будут строить здесь? – Я указала на красную полосу. Его близость отвлекала, и я намеренно сосредоточилась на обозначениях глубины.

– Да, – ответил он. Голос у него оказался ниже, чем я помнила. – Наружный. Военные суда получают защищённую воду. Наш внутренний мол останется в нынешнем состоянии.

– Значит, лодкам придётся обходить эту линию при восточном ветре. – Я проследила пальцем предполагаемый путь до самого конца листа, зажатого стеклянной гирькой.

– Именно. – Он прижал загнутый угол карты. Там, где проходил маршрут, густо теснились отметки подводных камней.

– Здесь написано: свободный проход гражданских судов при отсутствии особых распоряжений коменданта. – Арден чуть наклонил голову, приглашая закончить мысль.

– То есть свободный, пока не запретят, – сказала я. – Причины запрета перечислены? – Томир покачал головой. Молодой грузчик позади нас заметил, что жалованье хотя бы перечислено, и в зале сразу заговорили громче. Его можно было понять. Последнюю зиму он разгружал по два судна в неделю, а кормить мать и сестру требовалось каждый день. Я не собиралась объяснять ему, как прекрасно жить возле открытого моря на пустой желудок.

Арден дождался, пока Томир восстановит порядок.

– У нас есть гражданский проект, – сказал он. – Внешний причал остаётся торговым. Новый волнолом закрывает и его, и рыбацкий вход. Работы оплачиваются, доступ к берегу не ограничивается. Но проект должен быть представлен островом, а не только домом Соль.

– Домом Соль и деньгами Союза, – проворчал Рен. Он откинулся на скамье, сложив руки на животе, и посмотрел на соседей, ожидая поддержки.

– Частично кредитными деньгами, – уточнил Арден. – С обеспечением доходом моего причала. Я не предлагаю заложить ваши дома. – Вера посмотрела на меня искоса. Я знала этот взгляд: если мужчина заранее объясняет, чего не собирается забирать, надо выяснить, что именно он собирается получить.

Томир разложил перед собой ещё один лист.

– Элиса Соль представляла постоянных жителей до болезни. После её смерти место пустует. По старой статье временного представителя утверждает совет. Но при единственном держателе внешнего причала есть ограничение. Нельзя передавать второй голос его служащему или члену хозяйства, кроме независимо утверждённого супруга.

– Или гражданину с годом непрерывного проживания, – добавила я. – Любой из вас подходит.

– Подходит, – согласился Томир. – И любой из нас имеет прямой подряд с причалом или торговую долю. Даже я, Мира. Рыба не улетает на материк сама. Постоянные выборы разрешат эту коллизию зимой, временный порядок – нет. Мы спросили Сену. Она трижды проверила.

Я опустила карандаш.

– И при чём тут я? – На моём листе осталось маленькое серое пятнышко; я почему-то потёрла его пальцем.

Томир посмотрел на Ардена с таким откровенным облегчением, что ответ я поняла раньше, чем услышала.

– Вы родились здесь, – сказал Арден. – Не состоите у меня на службе. Не имеете доли в промыслах. Прожили после возвращения шесть месяцев. Совет готов рассмотреть вашу кандидатуру по исключению для супруга.

Сзади кто-то переставил корзину. Вера крепко взяла меня за рукав.

– Вы предлагаете мне выйти за вас замуж? – спросила я, потому что в подобных случаях полезно произносить нелепость полностью.

– Предлагаю обсудить договор. Не дать ответ сейчас. – Он сказал это серьёзно и без малейшей попытки очаровать зал. Возможно, поэтому я впервые почувствовала не возмущение, а растерянность. Красивому мужчине проще было бы улыбнуться, назвать всё необычным союзом двух преданных острову людей, добавить про честь. Арден выглядел человеком, которому предстояло объяснить неприятное условие поставки.

– А остальные кандидаты? – Томир назвал четверых. Двое уехали, один не имел необходимого стажа после возвращения, последняя, лекарь Аста, отказалась: ей не на кого было оставить больницу. Я знала Асту и её ночные вызовы, поэтому не стала объявлять отказ малодушием.

– Мы не голосовали за тебя в твоё отсутствие, – поспешно добавил Томир. – Только за предложение. Пять против двух. Ты можешь уйти отсюда и больше об этом не слышать. – Это была самая разумная фраза за всё утро.

Я встала. Вера убрала руку с моего рукава, словно именно сейчас вспомнила, что тоже должна позволить мне уйти.

– Пакет можно взять домой?

Арден достал из кожаной папки второй экземпляр.

– Здесь концессия, гражданский проект и предварительные условия. Последние не подписаны и не окончательны.

– Замечательно. Потому что брачное предложение на трёх страницах я даже читать стану с подозрением. – Уголок его рта дрогнул. Это почти не было улыбкой, но серые глаза изменились, и мне пришлось отвести взгляд к бумагам.

На улице пахло близким дождём и тёплым хлебом. Вера догнала меня на ступенях.

– Скажи, что ты не согласилась только потому, что у него хорошие плечи.

– Я вообще не согласилась. – Я поправила съехавший ремешок сумки, намеренно не глядя на подругу: она слишком хорошо знала мои уловки.

– Это я слышала. Но плечи заметила раньше. – Я фыркнула, прижимая папку к груди.

– У тебя муж в пекарне. – Я попыталась придать голосу укоризну, но Вера только весело подняла брови, нисколько не смутившись.

– Именно поэтому я умею оценивать плечи без намерения немедленно ими обзавестись. Иди ко мне, выпьешь чаю. – Я отказалась. Мне хотелось пройти к южному берегу одной, пока все слова ещё не обросли чужими советами. Вера не обиделась, только сунула мне в карман маленькую булку. Она всегда делала так, когда тревожилась: предоставляла человеку свободу, предварительно покормив.

От площади к воде вели широкие ступени. Я помнила их совсем другими – высокими, из-за чего в детстве приходилось подпрыгивать на каждой. Теперь они оказались удобными, чуть стёртыми посередине. У нижней площадки сушились рыбацкие плащи. На стене кто-то нарисовал мелом корабль с неправдоподобно большим парусом. Красная линия на карте шла как раз через эту стену.

Три года назад, после смерти Орена, я долго не могла решить, где мне жить. Наш материковый дом был съёмным. Хозяин не гнал, друзья звали на ужины, работы хватало, но каждое утро я просыпалась в комнате, где одну чашку перестали снимать с полки. Через два года я поняла, что не обязана доказывать верность адресу. Ещё полгода собиралась, передавала дела, прощалась. Вернулась на Эйру не потому, что здесь не было воспоминаний, а потому, что здесь они начинались задолго до мужа.

Мой дом стоял выше прачечной. Маленький, с узкими окнами и лимонным деревцем в кадке. От матери мне достались стены, от отца – привычка всё чинить до окончательной поломки. Я жила на заработок: проверяла соглашения рыбаков, составляла торговые письма,

иногда ездила на материк. У меня было восемьсот шестьдесят крон, хороший стол и достаточно причин не выходить замуж за незнакомого дракона.

Внизу мальчик пытался вытащить из воды пустое ведро длинной палкой. Ведро уходило от него с достоинством опытного противника. Я отложила папку на сухой камень, спустилась ещё на ступень и поймала ручку.

– Спасибо, тётя Мира. Мама бы убила. – Он схватил ведро обеими руками и тут же проверил дно, словно вода могла унести не только посудину, но и её исправность.

– Сначала заставила бы купить новое. Это хуже, у тебя сейчас есть деньги? – Он засмеялся и убежал, оставив мокрый след. Я подняла папку. Представить эту лестницу за решёткой было трудно; представить её свободной, но разрушенной очередным штормом, – совсем нет. Нижние камни уже разошлись, один держался на честном слове.

– Вы нашли слабое место нашего красноречия, – произнёс Арден за моей спиной. Он остановился на верхней площадке. Не подкрался: подошвы его сапог я слышала, просто не ожидала, что это он.

– Их много, – ответила я. – Например, почему нельзя назначить меня без свадьбы? Поправить статью раньше, чем обсуждать гавань.

– Потому что поправку тоже принимает Собрание. А пока вопрос внесут, комиссия представит единственный готовый проект. Военный.

– То есть жениться быстрее, чем исправить плохой закон. – Произнесённое у обычной мокрой лестницы, это звучало ещё нелепее, чем в зале совета.

– Иногда государство устроено особенно унижительно. – Он спустился на две ступени и посмотрел на расшатанный камень. Я заметила, как тщательно он выбирает расстояние: достаточно близко для разговора, но не настолько, чтобы пришлось тесниться у перил.

– Вас эта мысль не оскорбляет? – спросила я. – Жена, нанятая ради второго голоса.

– Меня оскорбляет, что для вашего голоса требуется быть моей женой. Но если вы спросили, считаю ли я такую женщину ниже себя, нет. – Я провела ладонью по папке. Ответ был хорош, возможно, слишком хорош. Люди, умеющие заключать договоры, редко верят первой удачной формулировке.

– Я не стану голосовать, как вы скажете. – Я подняла подбородок, чтобы он наверняка видел моё лицо: эту оговорку следовало запомнить с первого раза.

– Поэтому вас и предложили. – Арден говорил без нажима. Он стоял ниже меня на ступень, и наши глаза оказались на одном уровне.

– И не отдам вам свой дом. – Теперь он действительно удивился.

– Зачем мне ваш дом? – Его удивление было таким неподдельным, что подготовленная мной суровая речь на секунду рассыпалась.

– Обычно до свадьбы этот вопрос звучит именно так. Потом выясняется множество полезных применений. – Он опустил взгляд, скрывая улыбку, и я неожиданно разозлилась уже на себя. Мне было тридцать пять, я пережила счастливый брак, болезнь мужа, похороны, два переезда. Я вполне могла поговорить с красивым мужчиной, не следя за каждым движением его рта.

– Завтра в десять, у Сены Рут, – сказала я. – Если она свободна. Я хочу своего свидетеля и отдельный разговор с нотариусом. И никаких объявлений до моего ответа.

– Согласен. – Он не стал доставать записную книжку; похоже, время и место запомнил сразу, чего я от себя в ту минуту не ожидала.

– Не торопитесь. Это пока предложение поговорить. – Мне не хотелось, чтобы завтра весь остров обсуждал решение, которого я ещё не приняла.

– Я услышал. – Дождь начался мягко, с крупных редких капель. Арден предложил проводить меня до крытой улицы. Я отказалась, подняв капюшон, и он не стал спорить. Только

придержал папку, пока я застёгивала плащ: короткое, обычное движение, почему-то запомнившееся сильнее всего заседания.

У поворота я оглянулась. Он всё ещё стоял на лестнице, глядя на берег, который ему предлагали спасти женитьбой. Ветер откинул светлые волосы со лба. В эту минуту он выглядел не хозяином островного замка и не драконом, способным подняться над любой дорогой, а усталым человеком перед неудобным выбором.

Это не было причиной сказать «да». Но стало первой причиной не говорить «нет» на ходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.